

Андрей Римский-Корсаков

СУДЬБА, ОСТАВШАЯСЯ ЗА КАДРОМ

Как приятно после тяжелого трудового дня прийти домой, расслабиться на мягком диване и, подремывая, пощелкивать телеканалами – легко, безопасно, свободно. И только профессионалам-телевизионщикам понятно, какая это нелегкая, несвободная и коварная штука – телевидение. И дело не только в нелегкой работе режиссеров, операторов или журналистов. Как это ни странно – все дело в соблюдении хронометража передачи. И в соблюдении пропорций при монтаже: менее важное – сократить, более существенное – оставить. Несоблюдение этих пропорций сыграло 6 июня 1999 года злую шутку с телезрителями, и с одним из участников передачи, посвященной Пушкинскому юбилею.

А дело было так. Отмечала страна 200-летие со дня рождения А. С. Пушкина. В студии главного российского канала собрались потомки поэта: два брата, приехавшие из-за рубежа, Сергей Борисович и Борис Борисович Пушкины, Юлия Григорьевна Пушкина и москвичка Вера Владимировна Сванидзе – праправнучка. Все было замечательно. Зарубежные гости подробно рассказывали о себе и обо всем, о чем их спрашивала ведущая. Но вот, наконец, вопрос ведущей к Вере Владимировне: «Я знаю, что у Вас, благодаря Вашему происхождению, очень непростая судьба. Расскажите, пожалуйста». И Вера Владимировна, вздохнув, скромно начинает: «Ну, родилась я в Польше, потом побывала в Казахстане...» «Спасибо», – вдруг говорит ей ведущая и... прощается. Телевизионщикам-то ясно, что остальное вырезали, весь монолог-рассказ Веры Владимировны, всю-то ее «непростую судьбу» – время не позволяло. Хронометраж-монтаж, понимаешь...

После этого случая Вера Владимировна перестала доверять журналистам, киношникам, телевизионщикам. Но никаких обид: со времен óных она привыкла к тому, что и ее семью, и ее мать Наталью Евгеньевну, как сговорились, старались если не обойти, то держать где-то на дальних планах, не укрупняя. Это инерция, пришедшая из тех дальних лет, когда «враги народа» и дети их считались «неприкасаемыми», хуже прокаженных. Они портили карьеру своим благополучным родным, их «реноме», как говорится.

И в двухсотлетие великого поэта инерция эта еще сохранялась. Вышли книга и фильм о правнучке Пушкина Н. С. Шепелевой, в которых ни слова не было о бывших ссыльных Воронцовых-Вельяминовых. То же было и в 2006 году... В советские годы и Вера Владимировна, и ее брат Юрий, как дети расстрелянного «врага народа» Владимира Ивановича Воронцова-Вельяминова, не могли,

конечно, рассчитывать на благосклонность властей. Но в перестроечные времена Вера Владимировна уже не опасалась ничего и никого, о своем прошлом если и говорила, то всегда несколько даже иронично, с усмешкой. Вот только когда вспоминала о своем отце и его гибели, делалась жесткой, непреклонной, непримиримой. Но ничего этого поведать телезрителям ей тогда не пришлось...

Только спустя несколько лет она решила рассказать о себе и своей семье автору этих строк. Разговорить ее, замечу, удалось с большим трудом и только потому, что наши родители – ее мать Наталья Евгеньевна и мой отец – на протяжении почти 30 лет сохраняли теплые дружеские отношения и вели переписку.

Вот рассказ Веры Владимировны, как он мне запомнился.

Большая семья Воронцовых-Вельяминовых поселилась в Польше задолго до революции, когда Польша была частью Российской империи. Здесь, в небольшом местечке Юголин под городом Барановичи (ныне это Брестская область Белоруссии), было их поместье, приобретенное еще прадедом Веры Владимировны. В гражданскую войну семейству пришлось покинуть Юголин, но когда по Брест-Литовскому договору эта часть Западной Белоруссии отошла Польше, Воронцовы-Вельяминовы вернулись в свой дом.

Владимир Иванович только-только успел закончить Царскосельский лицей, как революция всех их отрезала от России. Однако юный хозяин имения быстро освоил новую роль, и дела в поместье все время были на высоте. Позднее Вера Владимировна с удивлением узнала, что на месте их «дворянского гнезда» организован совхоз, которым управляет целый штат хозяйственников, – а у них всем немалым хозяйством управлял один человек – ее отец.

На одном из портретов, что стоят на письменном столе Веры Владимировны, изображен красивый темноволосый молодой мужчина – по виду скорее дипломат или кинорежиссер. Это и есть Владимир Иванович Воронцов-Вельяминов. Неудивительно, что юная Наталья Евгеньевна, в девичестве Клименко, стала его женой. Наташа попала в эти места, когда ей было четырнадцать лет, – приехала навестить родных в 1921 году, но вскоре оказалось, что вернуться в Россию уже невозможно: Польша отошла от России и стала «заграницей». Здесь и появились на свет Вера и ее брат Юра.

Наталья Евгеньевна, внучка Александра Александровича Пушкина – сына поэта, никогда не подчеркивала свое родство с великим предком и не кичилась этим. Возможно, потому, что полученное ею в детстве и юности воспитание этого уж никак не предполагало. Такие же правила усвоили и дети ее, росшие в атмосфере уважения и почитания предков и имевшие для счастливого детства весь набор нормальной буржуазной семьи: домашних учителей, обслугу по дому, жизнь без излишней роскоши, но с достатком.

«Родилась я в Польше, потом побывала в Казахстане...» Она сказала это и, показалось, как будто уже пожалела – уж очень не хотелось тормозить прошлое, понимала, что все это теперь, за давностью лет, мало кому интересно. Все было слишком личное... И страшное...

Товарный эшелон, составленный из вагонов-теплушек, шел на восток уже несколько дней без остановок. Люди недоумевали. Никто не мог понять, куда их везут. И, главное, почему. Если они арестованы – то за что? Если за мужей – то

при чем тут их дети-несмышлениши? Если их везут в тюрьмы, то почему никто им не объяснит, за что и на сколько?.. Вопросов было поначалу много. Постепенно пришла апатия – люди смирились и стали ждать.

Первая остановка случилась в Смоленске. Охранники приказали взять ведра и идти с ними. Вскоре ушедшие вернулись, принесли ведро кипятка и ведро мамалыги – на всех. Вагоны снова заперли. Поезд тронулся. И опять сутки за сутками взаперти, 48 человек в вагоне – женщины и дети. Смерд, вонь, духота. Голод.. Стояла ранняя весна 1940 года.

Вера Воронцова в свои десять лет прекрасно запомнила, и запомнила на всю жизнь, как начинался весь этот ужас. Как однажды, в сентябре 1939-го, на рассвете подъехали к их дому на грузовике солдаты НКВД с автоматами. Вера проснулась на шум, прошла к кухне и увидела, как солдатики прямо из банок ложками жадно поедают их варенье. Стало их почему-то очень жалко. Тут она увидела, что отец укладывает наспех какие-то вещи, и начальник, наблюдавший молча за этим, вдруг неожиданно как-то очень просто сказал: «Владимир Иванович, да вы возьмите-ка что-нибудь теплое, сейчас ночи-то уже холодные». И отец надел зимнее пальто и переобул ботинки на сапоги. Так его и увели.

Отправили отца в Барановичи. Туда Наталья Евгеньевна несколько раз отвозила какие-то передачи.

Потом им сказали, что отец их заболел и его перевели в Минск. Знакомая рассказывала, что видела, как гнали по Минску заключенных, и она узнала в их толпе Владимира Ивановича только по высокому росту: внешне он очень изменился. А в 1940 году его не стало... Что с ним сделали, неизвестно, но те поляки, которым удалось вырваться из застенков НКВД, рассказывали об изощренных издевательствах и пытках над узниками. Говорили о каких-то огромных чанах, где людей часами держали стоя по горло в холодной воде, о каких-то страшных одеяниях, которые напяливали на заключенного и которые снять он мог только вместе с кожей...

Наталью Евгеньевну с детьми выселили из дома сразу после ареста мужа. И опять «добрый дядя» посоветовал уехать как можно дальше, чтобы «не сыграть всем в ящик» – так и сказал. Пожили немного у тети Муси – баронессы Тизенгаузен, французской подданной, а потом переехали в Барановичи. Там их и взяли. Тоже ночью. Дали двадцать минут на сборы, погрузили на машину, а потом и в эшелон.

Семья Воронцовых – сын Юра, Владимир Иванович, дочь Вера и Наталья Евгеньевна. Польша

Наутро у запертых охранниками вагонов собрался почти весь город. Вой стоял жуткий. Кто что сумел передать своим из еды, с тем и поехали... Вере запомнился маленький еврейский мальчик, истошно кричавший в Смоленске в зарешеченное оконце: «Воды, млека, яец!...» Местные жители смогли передать какие-то продукты через окна.

Казахстан появился через две недели, однажды под вечер. Поезд встал на станции Петухово. Раздался крик: «Выходи!» Погрузили в кузова грузовиков по несколько человек, кто с кем успел сесть, и поехали куда-то в степь. Уже совсем стемнело, когда машины въехали в какое-то село и встали. Все прошли в здание школы, набив ее своими телами и скарбом до отказа. Заночевали.

Утром приходили к школе любопытные местные, шептали друг другу: «Поляков привезли». Польские женщины удивляли своими одеждами – на некоторых даже были невиданные в те времена женские брюки. На пальцах замечены были золотые кольца. Впрочем, брюки быстро обратились в лохмотья, а кольца были спущены за несколько картофелин или кружку молока для детей.

Когда Наталью Евгеньевну с детьми посадили в телегу, запряженную волами, выяснился их новый почтовый адрес: Северо-Казахстанская область, Пресновский район, совхоз Буденновский, и место назначения – ферма Темная, название, звучавшее тогда как-то по-особому издевательски в отношении этих несчастных людей, неожиданно вырванных из благополучной и цивилизованной Европы. Начиналась для них совсем непривычная жизнь, полная самого грязного, унижительного и тяжелого физического труда...

Наталью Евгеньевну в тресте столовых и ресторанов города Петропавловска, куда она устроилась уже после реабилитации, поначалу приняли настороженно: во-первых, пусть и реабилитированная, но бывшая «жена врага народа», во-вторых, никак она не вписывалась в коллектив своей особой интеллигентностью. При ней нецензурно выражаться стало как-то неловко, и это тоже не делало ее понятной и своей. Но скоро положение «белой вороны» было разрушено, все увидели в ней просто несчастную страдающую мать, несправедливо обиженную властью и заброшенную волею злых людей в чужой и чуждый ей край. Сама же она быстро освоилась и нашла себя в этом сообществе простых людей, а уж некоторая языковая вольность совсем не резала ее слух.

После жизни в Буденновском совхозе, на ферме Темной, ее ничто не могло шокировать и поразить. Там основным транспортом, который использовался ссыльными женщинами, служили ленивые медлительные волы, которые были совершенно равнодушны к людским командам и понуканиям, если они не сопровождались самой отборной вычурной залихватской матерщиной. Но Наталье Евгеньевне это ничуть не мешало – человек ко всему привыкает. Вера Воронцова вспоминала, как быстро она, девочка, освоила «вождение» этих упрямых животных, и что бригадир, старый казах, всегда предпочитал брать ее к себе работать – сено на волах подгрести: «Дай мне этот девчонка», – просил он начальство. И никогда она не подводила. Только однажды волы понеслись куда-то вдаль, к лесу, вместе с огромными железными граблями, на которых где-то на высоте восседала маленькая Вера, и ничто их не могло остановить. Но Вера все же не спасовала, удержалась и вскоре доставила, хоть и с большим трудом, волов этих обратно.

Труд вообще был на ферме очень тяжелый, особенно для женщин – особенно для польских женщин, абсолютно не приспособленных к тем условиям, в которых

все они оказались. Возить навоз, копать огромные силосные ямы, в кровь сдирая с рук кожу, – все это пришлось испытывать им в течение нескольких лет.

С началом войны условия жизни и труда стали еще сложнее. И голод. И холод. Дома-временки, слепленные из кусков земли и обмазанные глиной, от холода защитить, конечно, не могли. Печи внутри были, но какого тепла можно было от них ожидать, если сложены они были теми же польскими женщинами, никогда ранее не выдавшими даже, как это делается. Впрочем, печи эти были даже с плитами вот только готовить на них было не из чего, и Вера Воронцова вспоминала, что только иногда, когда удавалось выменять на несколько картошин кое-какие вещи, эти картошины резали на дольки и прямо на горячей плите пропекали. Наталья Евгеньевна научилась делать из простыней косынки, и тут пригодилось умение вышивать: косынки с вышитыми на них цветочками пошли на ура у местных доярок – меняли их на молоко. Тогда Юра с Верой узнали, что такое обрат – сыворотка от молока после сепаратора, а взрослые научились воровать зерно в специально сшитые потайные карманчики на поясе. Приносили, измельчали на ручной мельнице, смешивали с водой, варили. Получалась «заваруха»...

С началом войны появилось в округе пополнение: сначала немцы с Поволжья – ну, эти как-то сумели довольно быстро приспособиться, крестьянское дело они знали хорошо. Потом – крымские татары и чеченские семьи. Последних привезли с теплого Кавказа в легких одеждах прямо в лютую февральскую степь – на них смотреть было страшно. Вера на всю жизнь запомнила одну чеченку, кутавшуюся в старое тряпье, из глубин которого раздавался жалобный писк ее голодного и голого грудного ребенка...

Нет, конечно, все это уж очень было скучно рассказывать журналистам, а тем более им слушать: мало ли кто где переживал свою беду в тот многострадальный XX век. Кого этим теперь удивишь? И потом, всё относительно – ведь в Освенциме или на Соловках хуже было. Здесь все-таки большинство выжило. Вот выжила и Наталья Евгеньевна с детьми. Дождалась – однажды прискакал на рысаке сам директор совхоза: «А ну-ка, кто здесь Воронцовы-Вельяминовы?» Видимо, распоряжение какое-то получил. Показали. Вскоре переселились они на центральную усадьбу. Стало более сносно. Наталью Евгеньевну в бухгалтерию взяли, Вера в Пресновке учиться стала. А потом и в Петропавловск разрешили переехать. Юра Воронцов к этому времени уже закончил десятилетку и, будучи призванным в армию, успел даже немного побывать на войне в Австрии, а потом вместе со своей частью отбыл в Иркутск.

...Пушкин, как известно, в Петропавловске никогда не был. Когда он изучал пугачевские места, то добрался лишь до Уральска и Оренбурга. Но если бы ему сказали, что через сто лет будет в этих местах жить его праправнучка, вряд ли бы поверил и очень удивился. А она с дочерью именно здесь и поселилась в 1946 году, и не где-нибудь, а, как это ни странно, на улице Пушкинской. В конце этой улицы, не доходя чуть-чуть до рынка, в одном из аккуратных угловых деревянных домиков, у библиотекарки Зубаревой сняли они комнату.

Вера поначалу была принята в главную школу города – среднюю школу № 1 имени Ленина. И принята, очевидно, по недоразумению, так как в этой школе обучались дети высокопоставленных родителей, и уж ссыльным там делать было нечего. Во всяком случае, Вере не понравилось, что учительница все время пыталась ей это показать и была явно необъективна в оценке ее знаний. А по мно-

гим предметам Вера могла дать сто очков вперед любому: пресновские учителя столькому ее научили, что хватило потом на всю оставшуюся жизнь. Учительница литературы Евгения Ивановна Лыкасова, например, тоже из высланных, из Ленинграда, читала наизусть «Евгения Онегина», причем по-французски. Запомнился Вере и прекрасный математик, немец из Поволжья... Но здесь учеба у Веры не задалась, и после очередного «демарша» учительницы Вера забрала документы и перешла заканчивать 10-й класс в вечернюю школу. Да к тому же надо было зарабатывать хоть что-то для себя и матери. Ее взяли на 641-й радио завод, эвакуированный с началом войны из Александрова. Здесь контролером ОТК проработала Вера шесть лет. Проработала хорошо. И сейчас еще с некоторой гордостью говорит, что всегда «висела» на доске почета как стахановка.

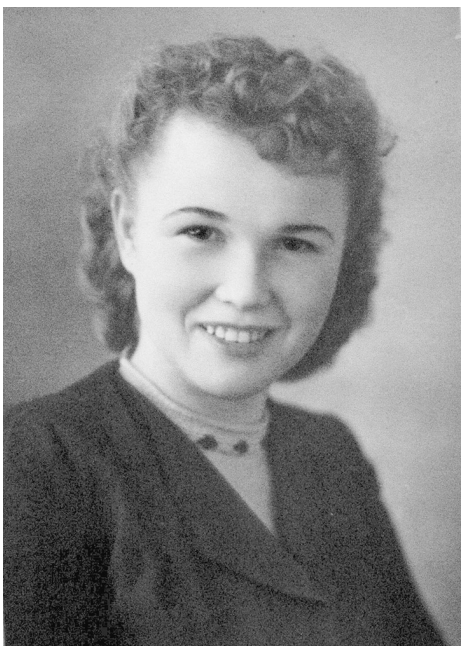
Домик библиотекариши Олимпиады Михайловны Зубаревой, где поселились Воронцовы-Вельяминовы, несмотря на то что стоял он посреди непролазной уличной грязи, никогда не просыхающей из-за расположенного рядом базара, внутри блистал как игрушка. Хозяйкой Олимпиада Михайловна была отличной. Пишущий эти строки иногда бывал вместе с отцом и братом в этом доме, и всегда большой проблемой было войти в комнаты так, чтобы не испачкать сверкающий лаком пол. Спасали галоши, которые надо было сначала отмыть у входа, а потом оставить на крыльчке перед дверью. Олимпиада Михайловна долгое время заведовала библиотекой Дома учителя. Заведовала, конечно, по недосмотру начальства, ибо биография ее была далеко не безупречной с точки зрения тогдашних норм. Дочь священника из Пресновки, куда еще в царские времена он приехал миссионером в дикие «киргизские», как их тогда называли, степи, в 1917 году она поехала поступать на женские курсы в Петроград, но тут случилась революция, во время которой Олимпиада Михайловна познакомилась и подружилась с «бабушкой русской революции», основательницей партии эсеров Е. К. Брешко-Брешковской. После Октября вернулась она в Пресновку, где вскоре вышла замуж за... НВКД-шника, идейного большевика, который был признан в 38-м «врагом народа» и расстрелян...

Домик Олимпиады Михайловны в начале 1947 года, как сказочный теремок, вбирает в себя, кроме Воронцовых, еще одно несчастное семейство – мать с тремя малыми детьми. Это Федоровы. Мать, Александра Алексеевна, – родная сестра кинозвезды номер один тех времен Зои Федоровой. Как известно, актриса имела неосторожность завести в Москве роман и выйти замуж за военного советника США адмирала Д. Тейта и успела родить от него дочь Викторию. Но вскоре адмирала вежливо попросили покинуть СССР, а Зою посадили на Лубянку, а потом в концлагерь. Девочку Вику взяла с собой Александра Алексеевна, тоже не по своей воле отправившаяся в Северный Казахстан. Их сначала сослали в Полудино, а потом разрешили жить в Петропавловске.

Маленькая Вика Федорова болезненно воспринимала убогость Петропавловского житья, и, может быть, поэтому, единственное, что вспомнила будущая актриса (позднее американская гражданка) в своих мемуарах, что жизнь у Зубаревой была кошмарной, потому что ей запрещали трогать какие-либо вещи и ходить по полу в грязной обуви...

Вскоре, впрочем, власти спохватились и уволили-таки «подозрительную» библиотекаришу Олимпиаду Михайловну, о чем местная интеллигенция очень жалела, так как стало трудно получить многие книги в Доме учителя.

Другой оазис культуры, где нашли пристанище Воронцовы-Вельяминовы, – домик-пятистенок Варвары Ивановны Ежовой-Гавриловой. Здесь некоторое время жил после ссылки в Казахстан соратник С. П. Королева Владимир Васильевич Разумов. Он работал в 30-е годы в Ленинграде и делал большие успехи в ракетостроении, когда обнаружилось, что он «шпион» какой-то иностранной державы. Когда-нибудь, когда вспомнят всех поименно, наверное, всплывет имя и этого замечательного человека. Но теперь только по одному из сохранившихся писем Натальи Евгеньевны Воронцовой известно, что его почему-то не расстреляли, а заменили «вышкой» на двенадцать лет лагерей. В Петропавловске он отбывал срок уже как ссыльный. Вот тут-то, на улице Карима Сутюшева, они с Воронцовыми и познакомились. Подружились. Владимир

Вера Владимировна Воронцова.
Петропавловск. 1950–52 гг.

Васильевич рассказал, что в Ленинграде у него была семья, в блокаду жена и дочь умерли, сын погиб на фронте. Теперь – никого. В Петропавловске он работал инженером на одном из заводов. Здесь, в уединении, в домике Гавриловых, однажды Владимир Васильевич, этот старый инженер-ленинградец, всегда шуточный и внешне беспечный, заговорил с Верой очень серьезно и предложил ей выйти за него замуж. Это был единственный момент, внесший смятение в их отношения, – ведь Владимир Васильевич был много старше ее, старше даже Натальи Евгеньевны, да и юная Вера совсем не собиралась замуж... Больше к этому не возвращались. Владимир Васильевич вскоре уехал в Москву... Дружба с ним Воронцовых не прекращалась и тогда. Наталья Евгеньевна была одной из последних, кто навестил его в московской больнице. В 1967 году отделение Академии наук и НИИ гражданской авиации в извещении о его кончине назвало его одним из зачинателей советского ракетостроения, первым председателем Ленинградского ГИРДа.

В доме Варвары Ивановны Вера с матерью поселились сразу, как съехал Владимир Васильевич. Вера продолжала работать на радиозаводе, и вскоре настало время выбора профессии. Завод хотел послать ее в технический вуз, но Вера совсем не чувствовала тяги к техническим премудростям. Ее влекли гуманитарные науки. Реабилитация их семьи давала возможность ехать поступать хоть в Москву. Но препятствие возникло совершенно неожиданно. Кое-кто из ее столичной родни, делавшей партийную карьеру, – среди потомков Александра Сергеевича Пушкина, не будем их осуждать, были и такие, – вдруг испугавшись контакта с репрессированными, пусть и бывшими, всячески стали намекать о нежелательности приезда Веры. Конечно, это нанесло обиду девушке, но она не стала паниковать. Вот как она рассказывает: «Ну что ж, не хотят меня в Москве – не надо. Я открыла атлас. Думаю – куда ехать? Выбрала, где потеплее, так как

мы уже достаточно намерзлились. Выбрала Одессу – море, тепло. Написала и послала свой аттестат, копию и запрос. Получила ответ, что можно ехать и сдавать экзамены. Я уволилась с завода и поехала в Одессу. У меня причем на обратную дорогу денег не было...»

Вера отлично сдала все экзамены в Одесский университет и поступила на географический факультет. Шел 1952 год.

Наталья Евгеньевна и дочь Вера. 1960 г.

Наталья Евгеньевна хорошо и успешно к этому времени освоила профессию бухгалтера, что было оценено в городе, а ее человеческие качества делали ее еще более конкурентоспособной на местном рынке труда. Во всяком случае, когда директором Петропавловской музыкальной школы была назначена Александра Ивановна Максимова, жена областного начальника НКВД, то без всяких сомнений и колебаний бухгалтером сюда она взяла ссыльнопоселенку Воронцову.

Александра Ивановна была очень

яркой личностью, и не только в смысле внешности, резко выделяющейся на фоне серых, неухоженных, измученных войной городских женских лиц. Максимова, возможно даже из принципа, набирала в школу тех, кого ее муж, полковник Максимов, хотел убрать туда, «куда Макар телят не гоняет». Так был спасен от очередной отсидки на Колыме прекрасный музыкант С. Н. Коншин, из семьи серпуховских фабрикантов, которого Максимова запретила мужу трогать и взяла в школу преподавать фортепиано. При ней музыкальная школа процветала, да и в финансовом отношении совсем не бедствовала. Никто не знал прошлого этой красивой женщины, но вскоре пошли слухи, что такую видную женщину невзрачный ее супруг мог заполучить, только засадив ее мужа куда подальше... Чего только не нафантазирует людская молва! Но кто знает?

Вера заканчивала университет, когда в Петропавловске узнали, что она на последнем курсе вышла замуж и вот-вот родится у нее ребенок. Заводчане тепло вспоминали Веру Воронцову из ОТК, и всегда ее, приехавшую в Петропавловск на каникулы к матери, на лето брали на работу – директор даже издал специальное распоряжение по этому поводу. Ей это была хорошая прибавка к стипендии.

Когда Вера приехала в Петропавловск последний раз, к своей заводской подруге Галине Суховой – было это в 1979 году, то неожиданно племянник Галины, имевший редкую по тем временам личную машину, предложил побывать в краях ее ранней юности, в совхозе Буденновском. Стояла золотая осень. Настроение было отличное. За окном мелькали чудесные лесные и степные пейзажи. Оглянуться не успели, как домчались до Пресновки, а потом и до фермы Темной... И тут Вера Владимировна поняла, как страшно и не нужно никогда возвращаться в те места, где тебе было плохо. Она рассчитывала увидеть здесь большие перемены, произошедшие за тридцать с лишним лет, но... Здесь ничего не изменилось. То же убожество, то же «качество» жизни, и все те же нужда, серость и неухоженность быта. Она поняла

вдруг, почему, когда ее, как праправнучку Пушкина, позвали приехать в Белоруссию, в совхоз – бывшее имение Юголин, позже разграбленное и сожженное, – почему тогда Наталья Евгеньевна сказала ей: «Вера, не езди туда, не надо – не порть себе свои детские впечатления, ты будешь разочарована...» И она не поехала.

Верина мать была мудрой женщиной. Это-то и помогало ей в трудные моменты жизни, а их было немало. Когда пришлось ей переехать к Вере в Тбилиси (муж Веры, Григорий Сванидзе, пожелал жить среди своей грузинской родни, в привычной среде), то все годы, прожитые там, прошли под знаком ожидания улучшения квартирных условий. Надо отдать должное: хлопоты местных и московских литературных кругов увенчались успехом – потомкам Пушкина дали-таки в Тбилиси квартиру. Но вскоре обстоятельства: муж Веры неожиданно заболел и умер – заставили покинуть гостеприимную Грузию и перебраться в Москву, поменявшись квартирами со старой грузинкой-москвичкой.

Здесь и поселилась Вера Владимировна с матерью. Ее дом – в самом центре Москвы, почти рядом с Пушкинским памятником. В большой комнате, где прошли последние годы Натальи Евгеньевны, – письменный стол с фотографиями родных лиц в старинных рамках. В простенке, в полумраке – самый дорогой родственник, А. С. Пушкин, в другом простенке – его сын Александр Александрович, в генеральской форме. Это прадед Натальи Евгеньевны, она его еще застала в живых, помнила. Зеленая настольная лампа, а особенно гигантский бронзовый торшер, привезенный из Сирии, где Вера Владимировна с мужем прожила три года, и глубокое кресло под торшером, любимое место Натальи Евгеньевны, – всё вместе создавало какой-то особый уют в этом в общем-то не очень уютном, вычурном доме, построенном архитектором Э. Нирнзее в 1912 году и известном как первый московский небоскреб. По иронии судьбы, в этом же доме, в соседнем подъезде жил в свое время печальной памяти прокурор Вышинский, имевший отдельный, собственный лифт, – наверное, во избежание нежелательных контактов. «Знает кошка, чье мясо съела» – говорят в таких случаях...

Вера Владимировна Воронцова (Сванидзе).
Москва. 2006 г.

Наталья Евгеньевна Воронцова дожила до 85 лет. Все, кто встречался в те годы с этой женщиной, сохранили о ней исключительно теплую память. «Она была человек очень незаурядный, с широким и светлым – “пушкинским” умом, с глубоким пониманием жизни, с острым критическим взглядом на все общественные явления», – писал о ней мой отец.

Вообще он часто упоминал в своих письмах Наталью Евгеньевну и ее родных. Вот письмо в Клин, племяннику Чайковского Ю. Л. Давыдову с запросом: «Тут мои добрые знакомые из потомков А. С. Пушкина (есть в Петропавловске и такие,

это Воронцовы-Вельяминовы) прочитали книгу Новикова “Пушкин в изгнании” и заинтересовались теми страницами, которые относятся к Каменке. Дом, где пребывал Чайковский, – это тот же дом, где бывал и Пушкин? Не пострадал ли он от гитлеровских бандитов?» По сохранившимся письмам прослеживаются штрихи жизни этого семейства. Вот Наталья Евгеньевна прочитала и восхищается мемуарами Т. Кузминской о Толстом; вот сообщается, что дочь Вера побывала в Москве на выставке картин Дрезденской галереи, для чего занимала очередь в три часа ночи – и не жалеет об этом. А в одном из последних писем есть такие строки: «Странно, ничего у меня в Петропавловске хорошего не было, а вспоминаю я его с нежностью, наверно потому, что там у меня были друзья...»

После одного из последних приездов Натальи Евгеньевны в Петропавловск отец с горечью пишет старшему сыну: «Н. Е. Воронцова уехала, и больше в Петропавловске никого, с кем можно было поговорить о жаворонках и заячьих следах на снегу...»

Последний раз встретились они в Москве в июне 1970 года. «Вдруг появилась Наталья Евгеньевна, только что из Тбилиси, – пишет отец. – Такая же, как всегда, совсем не постаревшая и оживленная. Рада, что находится в Москве. Показывала фото внука, Андрея, красивого парня, породистого Воронцова. Собирается к родным в Вильно и посетить всякие концерты...»

Мне довелось увидеть Наталью Евгеньевну только раз, еще в Петропавловске. И то как-то на ходу. Мы с отцом встретили ее у входа в городской парк. «Боже, как вырос Дюша», – сказала она про меня. Мне было восемнадцать, и я тогда, кажется, впервые стал понимать, кто стоит передо мной. И пока они с отцом о чем-то живо говорили, я вглядывался в ее лицо, решая обывательский вопрос: похожа – не похожа? Светло-русые кудряшки по всей голове и на висках я нашел очень схожими с пушкинскими. Хотя это могли быть и бигуди, модные тогда. Но профиль! Нос, губы, сжатые в полуулыбке, – почти всё так, как на известном автопортрете поэта. И особенно брови – приподнятые, округлые. Все это разглядел я тогда и решил про себя – похожа!..

Москва, 2019 г.

